

Шэнь Мулинь незаметно подошёл сзади и с улыбкой произнёс:

— Я же говорил, что верну тебе книгу, если ты попадёшь в десятку лучших в классе.

Лу Юань не обернулся:

— Ага, я помню. Поэтому я больше её и не видел.

— Ты ещё смеешь говорить.

Шэнь Мулинь легонько ткнул его в затылок.

— В классе всего двадцать четыре ученика, а ты даже в десятку не попал.

— Эй, у тебя что, гипертимезия? Ты всё помнишь. Я даже не помню, в каком классе я учился в начальной школе.

Что касается этого комикса, который он не видел много лет, Лу Юань давно забыл его главного героя. Он положил книгу обратно, слегка похлопал по ней и повернулся к Шэнь Мулиню:

— Выбрось всё это, зачем хранить, только место занимает.

...

В Новый год, как назло, всю ночь шёл снег. Утром пришлось потрудиться, чтобы открыть дверь. К полудню солнце начало пригревать, снег постепенно таял, а на карнизе Генеральского дома повисли сверкающие сосульки.

Лу Юань, закутавшись в пуховик, дрожал от холода, стоя на снегу:

— Пап, быстрее!

Лу Синцзюнь вышел из дома с петардами в руках и отчитал его:

— Ты же сам можешь их зажечь! Я ещё не видел такого труса, как ты. Если бы ты попал на войну...

— Я бы стал пушечным мясом! Я знаю! Давай быстрее, мне холодно!

Лу Синцзюнь, держа сигарету, подошёл к забору и начал зажигать расставленные Лу Юанем петарды.

Бах —

Бум!

Под непрерывные звуки петард Лу Юань встретил первый Новый год после своего перерождения. Хотя всё шло не по плану, он был рад снова оказаться в праздничной атмосфере двора.

К девяти утра в доме начали готовить праздничный ужин. Как обычно, четверо младших членов семьи сели играть в маджонг.

Лу Юань играл не очень хорошо, часто путался с картами, но за его спиной сидели дедушка и

тётя, подсказывая ему. Остальные трое были мастерами расчётов, и на определённом этапе могли угадать, какие карты нужны другим, поэтому редко ошибались. Кто выиграет, а кто проиграет, зависело только от удачи.

Лу Юань как раз подтверждал поговорку «дуракам везёт». Каждый год в маджонге он оказывался в числе победителей.

— Три вана.

Шэнь Мулинь, как единственный чужак за столом, был спокоен и уверен, но его удача была просто отвратительной.

Лу Юань в этот раз собрал крупную комбинацию, и его руки дрожали, когда он брал карты:

— Понг!

Лу Цзе нахмурился, бросив взгляд на Шэнь Мулиня:

— Что с тобой? В прошлый раз ты сбросил два вана, теперь три. Ты что, специально кормишь его чистым цветом?

— Что поделать, если такие карты пришли.

Лу Юань поддержал:

— Именно, именно.

Когда очередь дошла до Лу Цзе, он вытянул восемь ванов, которая была ему не нужна. Но, посмотрев на карты Лу Юаня, он сбросил девять бамбуков.

Лу Шэн сделал то же самое.

Шэнь Мулинь бросил жёсткую восьмёрку ванов.

— Ху!

Лу Юань с радостью открыл свои карты.

— Чистый цвет, плавающий ху, одна карта до победы, банкир подставился, с Линь-гэ полный расчёт, каждый по восемьдесят!

Лу Цзе взглянул на его карты и резко встал:

— Шэнь Мулинь! Покажи, что у тебя за ху!

Шэнь Мулинь спокойно открыл свои карты:

— У меня тринадцать сирот, сбросил восемь ванов на ожидание.

— ...Ты что, внезапно переключился на тринадцать сирот???

— А ты хотел, чтобы я застрял на ожидании?

— Сейчас уже поздно думать о ху! Лучше бы ты мне поддался, у меня бедный ху!

— Откуда мне знать, что у тебя за ху.

Сидящий за спиной Лу Юаня дедушка прервал спор:

— Ладно, платите.

Лу Юань постучал по столу перед Шэнь Мулинем и протянул ладонь:

— Сто шестьдесят, плати~

Линь Цзюцинь, принеся фрукты, увидела это и засмеялась, обращаясь к Шэнь Мулиню:

— Опять проиграл?

— Ага, сегодня не повезло.

«Не повезло, блин! Он специально так делает!»

Лу Цзе мысленно выругался.

Но он не мог не восхищаться тем, насколько искусно это было сделано.

Игра в маджонг продолжалась до полудня, когда начали подавать праздничный ужин. Лу Юань выиграл почти 1 000, Шэнь Мулинь и Лу Цзе проиграли. Шэнь Мулинь был спокоен, проиграв Лу Юаню, но Лу Цзе был в ярости, за обедом он всё время говорил, что хочет продолжить играть после еды.

Лу Юань не собирался с ним играть. В середине обеда, пока старшие разговаривали, он тихо сбежал в отель.

В Новый год отель был настолько тихим, что это пугало. В просторном холле был только один администратор. Лу Юань подошёл к нему:

— Кухня ещё работает?

— Конечно.

— Пожалуйста, приготовьте несколько блюд и отнесите в номер 8012.

— Хорошо.

Лу Юань взял ключ от номера Ли Цуна и вошёл. Ли Цун сидел на диване у окна, разговаривая по телефону. Увидев Лу Юаня, он улыбнулся и мягко сказал в трубку:

— Ну ладно, давай пока на этом.

«Опять этот тон!»

Лу Юань бросился к нему, схватил за волосы и ревниво спросил:

— С кем это ты говорил?

— Ты что, ревнуешь к ребёнку лет десяти? Ты мне больно делаешь.

— Девятнадцать — это тоже десять! Говори, кто это! Я давно хотел спросить! Теперь ты

попался!

Хотя Лу Юань говорил это, его хватка уже ослабла.

Ли Цун поднял глаза и встретился с ним взглядом:

— Если я скажу правду, ты не будешь злиться?

«Это он заставляет меня ставить флаг?»

— Хорошо, я не буду злиться.

Ли Цун честно признался:

— Это сестра моего пациента. Он сам болен, а у него ещё и сестра на руках. Как раз домовладельцы, у которых нет детей, к тому же китайцы, усыновили её. Девочка хорошо ко мне относится, вот и позвонила поздравить с Новым годом и спросить, есть ли новости о её брате.

Его искренность успокоила Лу Юаня:

— Хм, ты что, святой?

Рука Ли Цуна скользнула под его одежду, задержавшись на пояснице, а затем поднялась выше. За считанные секунды Лу Юань превратился в тряпичную куклу, безвольно обвиснув на его плече.

Ли Цун улыбнулся и тихо спросил:

— Почему ты такой чувствительный? А?

Затем он продолжил дразнить Лу Юаня всё более откровенными движениями и словами, пока не принесли заказ.

Лу Юань, красный как рак, открыл дверь.

Большинство людей, впервые встречая Ли Цуна, вероятно, обманывались его внешностью, как и Лу Юань, считая его холодным, сдержанным врачом.

Но реальность была иной.

После множества пережитых событий Лу Юань мог описать Ли Цуна только одним словом.

Развратник.

На первый взгляд это может показаться оскорблением, но если вдуматься, в этом слове скрыто много смысла.

В отличие от женщин, когда Ли Цун начинал вести себя развязно, Лу Юань действительно не мог устоять.

Как сейчас, когда он стоял перед сорокалетней сотрудницей отеля, держа в руке, спрятанной в рукаве, грязную липкую субстанцию, которая медленно стекала вниз, напрягая все его нервы. Его стыд был на пределе, лицо пылало, но он старался выглядеть непринуждённо.

— Приятного аппетита.

Лу Юань спрятал руки за спину и кивнул, скованный:

— Спасибо.

Как только дверь закрылась, Лу Юань, словно лишившись сил, упал на диван.

Ли Цун с улыбкой достал несколько салфеток и не спеша вытер ему руки:

— Кажется, она всё поняла.

Лу Юань широко раскрыл глаза:

— Ты старый козёл!

— Опять злишься?

Ли Цун, стоя на коленях у дивана, взял его за руку, делая вид, что обижен.

— Ты оставил меня одного в отеле, а я даже не злюсь.

Хотя это было правдой.

Лу Юань выдернул руку и спрятал её в широком рукаве, отвернувшись:

— Значит, я мелочный.

Ли Цун, глядя на его слегка вздёрнутый нос, с трудом сдерживал желание поцеловать его. Он сел на подлокотник дивана:

— Ты не можешь быть мелочным.

— Хм.

Лу Юань был типичным представителем тех, кто боится сильных, но задирает слабых. Малейшая доброта делала его самоуверенным.

Ли Цун, щипля его пухлую щёку, начал вспоминать прошлое:

— Помнишь, что ты мне обещал? До каких пор ты собираешься тянуть?

Услышав это, Лу Юань испугался. Он моргнул, делая вид, что не понимает, и невинно спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь.

Рука Ли Цуна естественным образом потянулась к его поясу.

Лу Юань быстро остановил его:

— Эй, ещё день на дворе, не надо так!

Ли Цун послушно убрал руку:

— Ну, вспомнил, и ладно...

<http://bllate.org/book/16406/1486301>